

— В конце апреля наступили очень тёплые, почти жаркие дни. Залив вскрылся, сезон зимней рыбалки закончился, и мы с Виталиком, не мешкая, перешли к летней. Первым делом решили навестить со спиннингами озёра у Пёрышкина, где в прошлом году так удачно ловили щук и окуней. Узнали, что рядом с уже известными нам лесными озёрами существует ещё одно, по другую сторону железной дороги, на котором мы ещё не бывали. Нашли мы его легко и стали обследовать берега, выбирая места поудобнее для спиннингования. Кое-где лёд ещё не весь растаял, хотя было уже по-летнему жарко. Вдоль всего берега в воде плавали кверху брюхом дохлые крупные окуни.

— - Замор, не хватило кислорода. Не догадались местные жители прорубей зимой наделать, - поняли мы с Виталиком. - А рыба здесь была. Смотри, какие экземпляры! Мы попробовали блеснить, но поклёвок не было. Такая же картина имела место и на двух других лесных озёрах. Теперь не скоро здесь порыбачишь - пока молодь не вырастет.

— А вот в Прохладной, и в камышах на заливе уже в начале мая рыба собралась в большие стаи, готовясь к нересту. На 9-е мая мы с Шагимуратовым очень удачно ловили крупных окуней с каменных насыпей в Ушакове у выхода Прохладной в залив. Окунь брала и на блесну, но эффективнее ловить было на удочку, так как поклёвки следовали почти сразу после заброса. Я набил полный рюкзак, иду обратно и за спиной чувствую дрыганья окуней в рюкзаке.

Защита моей диссертации была назначена на 21 мая, а с 17 по 20 мая в Ленинграде проходил симпозиум КОСПАР по солнечно-земной физике, на который мы с Б.Е. представили свой доклад. Гострем отпустил в командировку в Ленинград и Сашеньку, да и сам собирался там быть. От обсерватории были ещё Шагимуратов и Виталик, у него тоже был доклад.

Поскольку симпозиум был международным, то проводился он по высшему разряду, на уровне если не партийного съезда, то во всяком случае областной партийной конференции. Заседания проходили в Таврическом дворце с радиофицированными местами участников: надев наушники, можно было слушать переводчика, а сняв их, иностранного докладчика. В перерывах между заседаниями в фойе накрывались столы с кофе и бутербродами с икрой, красной рыбой и колбасой твёрдого копчения - ешь, сколько влезет, за бесплатно.

Мне такой шик был в новинку, да к тому же все корифеи космической геофизики тут, масса американцев, образцы лунной породы, доставленные американскими космонавтами с Луны и демонстрировавшиеся под стеклянными колпаками, к которым было не пробиться, множество знакомых и Слава, прежде всего, и Борис Евгеньевич, и мои оппоненты тут же, а погода - прекрасная, необычно тёплый для Ленинграда май, всё это переполняло меня каким-то радостным возбуждением праздника, так что о предстоящей защите я и вовсе не думал, да и поводов для беспокойства не было.

В кулуарах я как-то подошёл к Ваньяну (а до этого мы с ним уже обсудили его мелкие замечания в оппонентском отзыве на мою диссертацию) и довольно громко заговорил с ним на какие-то общие темы. Он взял меня под руку, отвёл в сторонку и сказал:

- Вот, Саша, посмотрите на этого молодого человека, а вон там ещё один, и старайтесь разговаривать с друзьями от них подальше.

Действительно, я как-то не обращал до сих пор внимания на одиноко маячивших в толпе молодых людей типа образцовых комсомольских вожаков, которые ни с кем не разговаривали, стояли обычно у колонн с отчасти скучающим, но в то же время озабоченным, деловым видом. Так вот они какие, стукачи, или как их правильнее квалифицировать? - соглядатаи, забавно. Ну, да Бог с ними.

В кулуарах то тут, то там можно было видеть Гострема, беседовавшего то с одним, то с другим. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде, хотя никакого отношения к

космическим исследованиям до сих пор не имел, и абсолютное большинство публики ему было не знакомо. Но знакомился он очень легко и просто и с нашими, и с иностранцами, а чаще, даже и не представляясь, вступал в общий разговор или обращался к кому-либо. Здесь, на международном сборище его фигура не выглядела импозантной на фоне присутствовавших настоящих скандинавов и американцев, к которым Гострема и причисляли, не знаящие его.

— Славик, которому я много рассказывал о Гостреме и о нашей новой жизни под его руководством, с интересом наблюдал за ним. Один раз Гострем в присутствии Славы обратился ко мне с каким-то деловым вопросом, мы коротко поговорили, после чего Славик сделал окончательный вывод:

— Во, мужик! - и показал мне большой палец. - Ты ведь знаешь, я в людях не ошибаюсь, с первого взгляда могу оценить.

— Славик считал себя большим физиономистом, и Гострем с первого взгляда произвёл на него неотразимо положительное впечатление, прежде всего своей американской деловитостью и напором.

— Наш совместный доклад по теме моей диссертации Б.Е. проч(л с трибуны на английском языке, не обращая никакого внимания на произношение. Тем не менее его поняли или, во всяком случае, заинтересовались нашей работой, судя хотя бы потому, что, известный японский геофизик Обаяши предложил Б.Е. опубликовать её в солидном японском журнале "Джорнэл ов геомагнетизм энд геоэлектрисити", выходявшем на английском языке. Я, конечно, был очень польщён. Мы с Б.Е. договорились, что начнём подготовку текста статьи сразу после моей защиты.

— Специально на мою защиту в Ленинград приехала мама. Она и всегда охотно ездила в Ленинград и Сестрорецк, пользуясь любой возможности навестить сестру, брата и прочих родственников и знакомых, а тут такой повод - сын защищает кандидатскую диссертацию! Мама, Сашенька и Люба хлопотали по поводу банкета.

— Послезащитный банкет считался тогда естественным мероприятием, отчасти носившим и ритуальный характер, и проводился обычно сразу после защиты прямо на кафедре, часто в очень скромной, как у Славы, например, форме - тут уж всё зависело от вкусов и материальных возможностей диссертанта. В конце семидесятых годов, в ходе очередной всесоюзной кампании по борьбе с алкоголизмом эта практика была официально осуждена и запрещена специальным постановлением ВАК, нарушение которого грозило аннулированием результатов защиты, а участвовавшим членам учёного совета - выводом из состава одного или даже расформированием совета.

— Тем не менее традиция жива, и лишь в редких случаях дело обходится без выпивки по поводу защиты. Правда, теперь лагерю диссертанта приходится принимать меры предосторожности, собираться на частной квартире и следить, чтобы об этом не узнали недоброжелатели, особенно, если в числе приглашённых оказывались оппоненты. Но потребность снять напряжение как у диссертанта, несколько лет готовившегося к решающему сражению, победа в котором официально утверждает его как настоящего учёного в глазах общественности и не бездельника в глазах жены, так и у его болельщиков - коллег, друзей и родственников, в силу своей естественности оказывается сильнее страха перед формальным запретом, хотя тосты теперь произносят как бы совсем по другому поводу, случайно совпавшему с защитой.

— Ну, а в те времена таких проблем ещё не было, да и спиртное стоило в 3-4 раза дешевле: я как раз проскочил перед первым повышением цен на водку и коньяк. Поллитровая бутылка коньяку "Три звёздочки" стоила тогда 3 рубля, "Пять звёздочек" - 5 рублей (по рублю за "звёздочку"). Я затарился необходимым количеством бутылок коньяку и сухого вина, закуски и посуду заказали в "восьмёрке" - студенческой столовой рядом с ГОИ, где я обычно питался во время учёбы на младших курсах (потом открыли "академичку", и я отдавал предпочтение ей, поскольку она была поближе к кафедре, и в ней имелась сидячая кофейня, где даже можно было курить). В день защиты всё было

снесено на кафедру, где после окончания занятий в аудитории для семинаров и наших дискуссионных "базаров" женщины накрыли столы.

—Моя же личная подготовка к защите состояла ещё в рисовании плакатов фломастером на ватмане. Тогда выпускали только одноцветные толстые фломастеры - плакатные карандаши, как их называли, мы с Сашулей специально к защите приобрели один в канцтоварах на Невском. Плакатов у меня было немного - штуки 4-5, и нарисовать их не составило для меня большого труда. Рисовал на кафедре, всё в той же родной аудитории.

—Защита проходила во второй половине дня 21 мая в Большой Физической аудитории НИФИ, где нам читали лекции на младших курсах, и где весь курс собирался вместе, а не по группам или кафедрам. В этой же аудитории через 11 с половиной лет я защищал докторскую диссертацию, и председательствовал на обеих защитах Георгий Васильевич Молочнов, и Борис Евгеньевич выступал (на обеих защитах), и многие с кафедры были на обеих защитах, и Люба, а вот мамы уже не было в живых...

—Кандидатские диссертации обычно пропускают по две на одном заседании учёного совета. Со мной в паре защищалась аспирантка с нашей кафедры, сотрудница Гасаненко Катя, не помню вот фамилию, я был с ней мало знаком. Она защищалась первой и, кажется, уже второй раз, но теперь всё прошло благополучно. Затем выступал я, браво отбарабанил свою речь, чётко ответил на вопросы, которые были без подковырок - к Б.Е. с уважением относились в совете, а я был его аспирант, и атмосфера вообще была доброжелательной. Зачитали отзыв от ИФЗ, выступили оппоненты - Ваньян и Оль с хвалебными отзывами, несколько слов сказал как научный руководитель Б.Е. Затем членам совета раздали бюллетени для тайного голосования, объявили короткий перерыв для совершения этого акта и подсчёта голосов, снова все расселись по местам, и Молочнов объявил итоги:

—- Роздано бюллетеней - 17, при подсчёте оказалось - 17, из них за - 17, против и недействительных бюллетеней нет. На основании результатов тайного голосования учёный совет физического факультета ЛГУ присуждает Намгаладзе Александру Андреевичу учёную степень кандидата физико-математических наук. Поздравляю Вас, - и пожал мне руку. Присутствующие захлопали, все стали подходить ко мне с поздравлениями, цветами, рукопожатиями, расчувствованная мама со слезами на глазах... Я, хоть и не волновался особенно ни перед защитой, ни в ходе её, чувствовал себя всё же несколько оглушённым, хотя и не настолько очумелым, как после защиты докторской.

—Вот и ещё один экзамен сдан. Этот-то, наверное, последний. О докторской тогда даже мысли в голове не мелькнуло, такой это казалось абстракцией.

—Среди поздравлявших я с радостью обнаружил Сашку Шаброва, с которым давно не виделся. Он пришёл на защиту, прочитав объявление о ней в "Вечернем Ленинграде" - тогда это было обязательным. Я пригласил его на выпивку, но он не мог задержаться. Мы договорились с ним встретиться на днях и сходить куда-нибудь в пивбар.

—Из БФА вся толпа повалила на кафедру. На доске в "банкетной" аудитории явившийся на защиту и не отказавшийся от моего приглашения выпить Гострем нацарапал мелом: "Поздравляем Саша и Катя кандидаты!" Он и здесь чувствовал себя как дома, что-то горланил, провозглашал тосты, которые одних веселили, другими воспринимались с некоторым недоумением, третьих (Димулю, в частности) раздражали. Я уже привык к его фокусам и не обращал на них особого внимания, маме же мой новый начальник понравился. Она всем была очень довольна и счастлива. Много позже я нашёл запись у мамы в блокноте: "21 мая 1970 года наш сын защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук! Горжусь за сына и счастлива!"

—Банкет у нас с Катей был общий, поскольку мы были с одной кафедры, но помимо сотрудников кафедры преобладали мои друзья и знакомые - почти вся наша группа (Танька Рассказчикова, Лизункова, Силина, Дубатовка, Мишка Крыжановский, Димуля), Славик Ляцкий, Казбек и Ваха, которых я специально разыскал и пригласил, Люба с Жоркой, Таня Крупенникова, Мишка Родионов, ещё кто-то из наших с Сашулей

знакомых. Благодаря Гострему даже начальная стадия банкета проходила не чопорно, а потом, когда "старики" разошлись по домам, веселились вовсю, с песнями, с танцами - последний раз в таком составе: кафедра, наша группа... Но выпить всё не успели, флигель закрывали, мы с Жоркой прихватили неначатую бутылку коньяку и распили её вдвоём дома на кухне.

— Я задержался в Ленинграде ещё на несколько дней - нужно было подготовить документы по защите для отправки в ВАК, главным образом, стенографический отчёт, который требовалось отредактировать вместе со стенографисткой. Сашуля же сразу после моей защиты уехала в Ладушкин. В один из этих дней мы с Сашкой Шабровым, как договаривались, встретились где-то на Петроградской стороне (ведь и его 1-й Медицинский и наша 1-я общага находились в одном районе Ленинграда - Петроградском) и просидели часа полтора в новом, только что открывшемся пивбаре "Пушкар" на Большой Пушкарской, оформленном под петровские времена: подавальщики в форме петровских (а, может, екатерининских или ещё каких других царей) солдат, огромные столы и скамьи, литровые кружки - всё это было в новинку и нравилось. Публики было мало, день был будничным, пивбар ещё малоизвестный, короче - не то, что очереди не было, а даже и свободных мест было достаточно не в пример нынешним временам.

— Сашка расспрашивал меня о моей ладушкинской жизни. Когда-то он не очень одобрительно отнёсся к тому, что я жену и ребёнка оставил где-то в захолустье, а сам вцепился в Ленинград, теперь же он искренне радовался, что всё у меня благоустроено: семья, диссертация, работа, квартира. В тех тогдашних Сашкиных рассуждениях мне виделось что-то обывательское, но ведь именно он давал мне читать "Раковый корпус", а сейчас сказал, что в портфеле у него "В круге первом", но дать не может, самому дали на один день. Мы поболтали с ним о том, о чём очень тепло и распрощались. Тем я и с Ленинградом вообще распрощался на несколько лет.

(продолжение следует)